

М. Ю. Бродский
Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ПЕРЕВОД

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты перевода текстов, относящихся к политическому дискурсу: текстологические аспекты, метафорология и перевод, прецедентные феномены в переводе, интертекстуальность и политически корректная лексика в переводе, этикетные моменты. Предполагается, что переводоведческий взгляд может оказаться плодотворным для дальнейшего развития политической лингвистики.

Ключевые слова: политический дискурс; перевод; переводчик.

Сведения об авторе: Бродский Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода.

Место работы: Институт международных связей.

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 33.
e-mail: mikhail.brodsky@gmail.com.

M. Yu. Brodsky
Ekaterinburg, Russia

POLITICAL DISCOURSE AND TRANSLATION

Abstract. The paper investigates challenges in translation of political discourse: differences in text structure and metaphorical potential, "precedent phenomena" (cultural metaphors), political dictionaries for translators, intertextuality in translation, PC euphemisms, and elements of professional ethics. We believe that the translation perspective may breathe new ideas into the study of political linguistics.

Key words: political discourse; translation; translator; interpretation; interpreter.

About the author: Mikhail Yuryevich Brodsky, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Chair of Translation.

Place of employment: Institute of International Relations.

Переводчику приходится осваивать особенности политического дискурса на обоих (всех) рабочих языках. В содержание политического дискурса включаются все присутствующие в сознании продуцента и реципиента текста компоненты (факторы), способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, политические взгляды автора, политическая ситуация и др. [Чудинов 2007: 41]. В двуязычной коммуникации с переводом к ним прибавляются как объективные факторы, связанные с преодолением языкового и лингвоэтнического водораздела, так и субъективные факторы, связанные с личностными характеристиками переводчика. И если даже в одноязычной коммуникации личностные и социальные характеристики слушающего и говорящего важны [ван Дейк 1989: 122], то при двуязычной коммуникации с переводом мы имеем на одного слушающего и говорящего (читающего и пишущего) больше, т. е. количество факторов, способных влиять на порождение и восприятие речи, умножается.

Сопоставление национальных дискурсов, в частности политических метафор [Будаев, Чудинов 2008], дает богатую пищу для размышлений и дальнейшего изучения контактных зон языков (contact zones) [Pratt 1992]. Сопоставительные исследования показывают количественные и качественные (фреймо-слотовые) несовпадения в метафорике языков. Однако несовпадения метафорических картин мира — далеко не единственная трудность, с которой сталкивается в реальной работе переводчик. В данной статье мы рассмотрим объективные факторы, с которыми приходится считаться

специалисту при переводе текстов политического дискурса.

Мы рассматриваем работу профессионального переводчика, хотя в принципе перевод текстов, относящихся к ядру или периферии политического дискурса (от речи политика до политических анекдотов) может быть актуален во всех видах перевода — профессиональном, учебном и бытовом. В литературе, посвященной вопросам дидактики перевода, под учебным переводом обычно понимается перевод как одно из средств изучения иностранного языка [Цвиллинг 2009: 132]. При обучении будущих переводчиков перевод является целью, тогда как при изучении иностранных языков перевод — средство обучения. Перевод студентов-переводчиков на занятиях называют или также — учебным, или «профессионально ориентированным» [Чужакин 2010: 4]. Ситуации учебного перевода далее в статье мы принимать во внимание не будем. В ситуации бытового перевода оказывался хотя бы один раз в жизни, наверное, каждый, кто неплохо владеет иностранным языком. Это, например, ситуация помощи иностранцам в своей стране или соотечественникам в чужой стране: в гостинице, магазине, на улице и т. д.

Профессиональный перевод бывает официальным и неофициальным. Под неофициальным понимают перевод, осуществляемый переводчиком-профессионалом в неофициальных ситуациях: разговоры в машине, за чашечкой кофе или в банке при обмене валюты. Ситуации бытового и неофициального перевода могут совпадать. Различие заключается в том,

что в первом случае переводит непрофессионал. Можно провести аналогию с футболистом-любителем, играющим с друзьями вечерами или по выходным, и футболистом-профессионалом, тренирующимся каждый день и понимающим стратегию и тактику игры. Перед переводчиком может быть поставлена задача выполнить официальный или неофициальный перевод текста, относящегося к политическому дискурсу (см. ниже).

Даже при бытовом и неофициальном переводе такого рода текстов переводчик испытывает определенный груз ответственности. Иностранцы могут попросить его объяснить, почему существует такая традиция, какова его личная реакция на последнюю новость и т. п. Это испытали на себе, в частности, волонтеры и студенты-переводчики, обслуживавшие саммит ШОС, прошедший в г. Екатеринбурге в июне 2009 г. В таких случаях, по мысли К. Райс и Х. Фермеера, переводчик превращается в специалиста по межкультурным коммуникациям в самом широком смысле [Snell-Hornby 2006: 51—56; Vermeer 2008: 228—238]. Недаром в советское время студентам-переводчикам повторяли, начиная с первого курса, снова и снова: «Родина начинается с переводчика!» В ситуации, когда понимаешь, что полоса пограничная идет если не за тобою, то где-то недалеко, оказывается рано или поздно любой практикующий устный переводчик.

Профессиональный переводчик встречается с текстами политического дискурса в следующих случаях устного (УП) и письменного перевода (ПП):

- перевод на политических переговорах, саммитах (УП);
- речи политических лидеров (УП);
- неофициальный перевод при кулуарном общении (УП);
- (реферативный) перевод иноязычных новостей, информации с сайтов, бегущей строки (УП/ПП);
- перевод речей политических лидеров для последующего устного выступления (ПП);
- перевод и редактирование выступлений, интервью, стенограмм переговоров для последующей их публикации (и цитирования) в средствах массовой информации (ПП);
- перевод материалов двуязычных сайтов и блогов политических лидеров (ПП);
- перевод мемуаров (ПП).

Возможны и более редкие ситуации: телефонные переговоры политиков, перевод видеоконференции и т. п.

По ходу заметим, что для переводчиков перевод — это в первую очередь процесс, тогда как для непереводчиков (заказчиков перевода) — прежде всего результат, т. е. текст [Рут 1993: 149—150; Robinson 2002: 6].

Наметим ряд аспектов, которые сближают интересы политической лингвистики и переводоведения.

1. Текстологические аспекты. Характеристики текстов на исходном языке (ИЯ), например английском, и языке перевода (ПЯ) могут не совпадать. Для целей транслатологического анализа исходного текста (ИТ) и текста перевода (ПТ) И. С. Алексеева [Алексеева 2008] выделяет 4 вида информации: когнитивную, оперативную, эмоциональную и эстетическую.

Когнитивная информация — это факты, имена собственные и цифры, т. е. «прецизионная информация» в терминологии Р. К. Миньяр-Белоручева [Миньяр-Белоручев 1996]. В научной статье, новостной программе или политическом докладе плотность когнитивной информации (в терминах И. С. Алексеевой) высока. Когнитивная информация присутствует и в инструкциях, хотя ее плотность на единицу текста (например, на 1000 печатных знаков) будет ниже, чем в научной статье или анализе предвыборных обещаний Б. Обамы спустя год после выборов.

Оперативная информация говорит реципиенту текста, что делать. Обычно она передается императивами: «проверьте», «убедитесь в том, что», «не влезай — убьет!». Очевидно, что в инструкции по сборке мебели плотность оперативной информации выше, чем в предвыборном выступлении политика. Такая информация присутствует в слоганах, но в более скрытом виде: ведь цель любой рекламы — заставить купить тот или иной товар, проголосовать за ту или иную партию.

Эмоциональную информацию несут в себе слова с ярко выраженными коннотативными значениями, стилистические приемы (метафора, гипербола, аллюзии и др.), часто неологизмы, в некоторых случаях — знаки пунктуации, не вполне обычная графика текста (карикатура и подпись к ней), проявления субъективной модальности, отклонения от литературной нормы и т. п. В предвыборном выступлении политика плотность такой информации высока.

В тех случаях, когда форма текста не менее важна, чем его содержание, мы имеем дело с *эстетической информацией*. Эстетическую информацию, выраженную невербально, мы видим в музыке, живописи, архитектуре, танце. В вербальных текстах такая информация чаще всего содержится на фонетико-графическом уровне: аллитерация и ассонанс, рифма и ритм. Детский стих может внешне выглядеть как елочка или снежинка. На лексико-семантическом уровне можно отметить смысловые [Виноградов 2004: 161—182], или «говорящие» [Влахов, Флорин 1980: 214], имена собственные (герцог Грабежи, музыкант Треньбреньо, деревня Гадюкино), авторские метафоры, неологизмы, каламбуры, обновление фразеологизмов («С милым рай и в шалаше, если “Вольво” в гараже»). Эстетическая информация присутствует прежде всего в художественных текстах. Присутствует она в рекламных и политических слоганах. Попутно заметим, что именно из-за сложного соотношения формы и содержания,

вербального и невербального от перевода текстов песен лучше воздерживаться.

Тексты политического дискурса на русском и английском языке в первом приближении похожи. Присутствие того или иного вида информации и плотность информации кажутся близкими. Еще в советские времена выходили пособия по «общественно-политическому» [Крупнов 1979, 1984] и «газетно-информационному» переводу [Швейцер 1973]. Количество таких пособий в постсоветские времена многократно увеличилось.

Вместе с тем при сравнении некоторых групп текстов внутри политического дискурса наблюдаются различия. Так, наш собственный опыт перевода и редактирования материалов для англоязычного городского портала www.ekaterinburg.com, в том числе политических новостей, и анализ опыта коллег [Vuzadzhii 2009] показывает, что англоязычные новостные тексты в рамках политического дискурса часто содержат больше эмоциональной, порой и эстетической информации. Сходным образом при УП и ПП текстов, которые можно объединить в группу «Политическая история Екатеринбурга/Урала», мы неоднократно сталкивались с такой реакцией носителей английского языка и европейцев: *Too many names! I don't want names. I want anecdotes!* → Слишком много имен! Мне не нужны имена. Мне нужны запоминающиеся истории!

В интересах теории и практики перевода все тексты можно разделить на 3 группы: (1) нейтральные, (2) для внешнего употребления и (3) для внутреннего употребления (идея А. Нойберта, напр., в [Neubert 1985]). *Нейтральный текст* — это в принципе любой текст, который никто специально «под перевод» не готовил, но который кто-нибудь когда-нибудь может захотеть перевести. *Тексты для внешнего употребления* — это, например, пресс-конференции с иностранными журналистами. В таких случаях опытный оратор помогает переводчику невысоким темпом речи и выбором лексики/фразеологии. Так, по нашим наблюдениям, В. В. Путин регулярно заменяет в таких ситуациях более колоритный русский фразеологизм на интернациональный: *Говорят, что в России демократии нет? Ну, и пусть говорят. Собаки лают, караван идет* (→ *dogs bark, but the caravan goes on*) вместо *собаки лают, ветер носит* (пример из записной книжки автора этих строк). *Типичные тексты для внутреннего употребления* — выступления команд КВН. Через несколько лет их шутки, обыгрывающие реалии сегодняшнего дня, бывают не всегда понятны. К таким текстам относятся и многие политические анекдоты (см. ниже). Тексты для внутреннего употребления переводить, если такая необходимость возникает, труднее всего.

2. Метафорология и перевод. В английском языке метафоры (фразеологизмы) образуются проще — видимо, это наблюдение справедливо и по отношению к другим анали-

тическим языкам (напр., [Гак 1976: 263]) — и, как следствие, статистически их больше, чем в русском языке. К такому выводу эмпирически приходит, мы полагаем, любой профессиональный переводчик, преподаватель перевода, составитель и пользователь англо-русских и русско-английских словарей. Более высокая метафоричность англоязычных текстов проявляется при сопоставлении и переводе текстов многих дискурсов.

Как показывают сопоставительные исследования, напр. [Красильникова 2005], метафоры в различных языках не совпадают по фреймо-слововому составу, наблюдаются случаи метафорических лакун. С такими количественными и качественными несовпадениями сталкивался и автор этих строк в лексикографической работе, последняя из которых — словарь «Спутник устного переводчика» [2008].

Главные трудности при переводе возникают тогда, когда в языках метафоры не совпадают качественно, концептуально [Marret 2005: 495]. Действительно, «метафора «поставляет» мышлению список возможных альтернатив для разрешения проблемной ситуации. Для политического дискурса это оказывается настолько важным, что ошибки и неточности в переводе метафорических моделей могут существенно искажать коммуникативную установку автора исходного текста» [Баранов 2007: 155—156].

В переводе работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004] мы регулярно видим случаи несовпадения метафор. Почти на каждой странице переводчик был вынужден приводить максимально близкий (буквальный) перевод в скобках. Приведем только один пример: *He conceived a brilliant theory of molecular motion.* → Он задумал (букв. 'зачал') блестящую теорию молекулярного движения [Лакофф, Джонсон 2004: 109]. С такими же трудностями сталкивается переводчик, переводя тексты, относящиеся к политическому дискурсу: *Conservatives understand that morality and the family are at the heart of their politics, as they are at the heart of most politics* [Lakoff 1995]. Там, где в английском языке в метафорах присутствует *heart* ('сердце'), в русском языке обычно *душа*: *a heart-to-heart talk* → разговор по душам. Однако в приведенном пассаже приходится использовать демегафоризацию: *основа политики*. Вариант трансформации метафоры — *краеугольный камень политики* — вызывает больше сомнений, так как данная метафора восходит к Библии, в которой она используется, по данным поисковой программы BibleQuote, в общей сложности 6 раз. Вероятно, именно эта постоянная «борьба» за сохранение и компенсацию метафор привела к досадной ошибке в переводе работы [Лакофф, Джонсон 2004: 86]: *Wipe that sneer off your face, private!* → Сотри эту ухмылку со своего лица, это личное! Ничего «личного» в оригинале нет: обращение *private* означает солдат, рядовой.

В английском языке шире представлены метафоры спорта и охоты. Переводчику-профессионалу приходится специально учить многочисленные фразеологизмы из области бейсбола. На большое количество спортивных метафор в политическом дискурсе обращает внимание в своих работах П. Р. Палажченко, бесценный переводчик М. С. Горбачева [Палажченко 2002, 2005].

В выступлениях англоговорящих политиков регулярно встречаются метафорические кластеры. Пример кластера в одном предложении (выступление Джона Маккейна): *Let me just offer an advance warning to the old, big-spending, do-nothing, me-first-country-second crowd: change is coming* [http://www.nytimes.com/2008/09/05/us/politics/05repubs.html?_r=1]. → Я хочу заранее предупредить эту дряхлеющую толпу, которая много тратит, ничего не делает, живет по принципу «сначала я, потом страна»: грядут перемены (перевод наш. — М. Б.).

В одном предложении ИТ мы видим цепочку из четырех (!) голофрастических эпитетов. Эти, как их принято называть, «структурные экзотизмы» невозможно перевести на русский язык «напрямую». Когнитивная информация остается, но часть эмоциональной и эстетической теряется.

Приведем более объемный отрывок — из инаугурационной речи Б.Обамы.

To the Muslim world, we seek a new way forward, based on mutual interest and mutual respect. To those leaders around the globe who seek to sow conflict, or blame their society's ills on the West - know that your people will judge you on what you can build, not what you destroy. To those who cling to power through corruption and deceit and the silencing of dissent, know that you are on the wrong side of history; but that we will extend a hand if you are willing to unclench your fist [http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/obama_inauguration/7840646.stm].

→ *Обращаясь к мусульманам мира — мы будем искать новых путей взаимопонимания на основе взаимовыгоды и уважения. Лидеры тех стран, что ищут конфликтов, или винят Запад в болячках своих народов, знайте: ваши народы будут судить вас по вашим созиданиям, а не разрушениям. Те, кто липнет к власти посредством коррупции, обмана и замалчивания голоса протестующих, знайте, что вы по другую сторону барьера истории, но мы все равно протянем вам руку, если вы разожмете кулак.* [http://traditio.ru/wiki/Инаугурационная_речь_президента_США_Б._Обамы].

Переводчику удалось передать большинство метафор. Однако метафора *to sow conflict* → *сеять конфликт* не передана; метафоры *судить вас по вашим созиданиям* и *вы по другую сторону барьера истории* звучат натянуто, искусственно. Приведенные примеры достаточно полно иллюстрируют проблематику, связан-

ную с передачей метафор и метафорических кластеров при переводе текстов политического дискурса.

3. Интертекстуальность. Одно из проявлений интертекстуальности — так называемые прецедентные феномены (ПФ). В последнее десятилетие тематика, связанная с ПФ, активно разрабатывается в российской лингвистике. Упомянем здесь только основополагающие труды Д. Б. Гудкова [Гудков 2003] и В. В. Красных [Красных 2002, 2003]. Появляются работы сопоставительного характера. В последние годы ПФ привлекли внимание переводоведов. Прецедентные феномены в широком понимании — любые широко известные имена, высказывания, тексты, ситуации, имеющие хождение и легко узнаваемые в данном лингвокультурном сообществе, — представляют собой интерес с точки зрения теории и практики перевода. Однако еще больший интерес представляет узкая трактовка ПФ, в которой под ними понимаются имена, высказывания, тексты, ситуации, имеющие метафорический потенциал [Бродский 2005; Brodsky 2007].

Рассмотрим несколько вопросов, представляющих интерес с точки зрения теории и практики перевода. Первый вопрос: имеет ли переводчик право *заменять* ПФ ИЯ на ПФ ПЯ? Например, можно ли было переводить сказанное вместо приветствия Дж. Шульцем М. С. Горбачеву *All the usual suspects are here*, известную любому среднему американцу прецедентную фразу из фильма «Касабланка», грибоедовским *Знакомые все лица* [Палажченко 2005: 217—218]? Если да, то какова свобода при замене одного ПФ другим?

Второй вопрос: как передавать *национальные ПФ* (Штирлиц, Василий Иванович) в устном переводе, в условиях дефицита времени? Объяснение (переводческая экспликация) занимает много времени, а рассказанный политический анекдот не всегда бывает смешон. В таких анекдотах регулярно встречаются каламбуры. Каламбуры, основанные на омонимии (как в анекдотах про Штирлица) особенно трудны для передачи. Появление в текстах политического дискурса национальных ПФ «третьих культур», в терминологии В. В. Кабакчи [Кабакчи 2009], также вызывает трудности. Автору этих строк пришлось нелегко при переводе такого политического анекдота: *Малыш спрашивает у Карлсона: — Карлсон, а ты за какую партию будешь голосовать? — Конечно, за «Единую Россию», что за вопрос! — Но почему? — О, там такая крыша!* Дело в том, что Карлсон, в отличие от Пеппи, в американской культуре практически не знаком. В книжных магазинах США перевод этой книги найти почти невозможно. В концовке анекдота (the punch line), кроме того, имеем каламбур.

Даже при том, что политические анекдоты — это периферия политического дискурса и не каждому устному переводчику приходится

переводить их, они ярко иллюстрируют проблематику, связанную с передачей национальных ПФ.

Что делать переводчику, если патрон все-таки рассказывает такой анекдот, который относится, по А. Нойберту, к текстам для внутреннего употребления? Выдающийся российский лингвист и переводчик А. Д. Швейцер вспоминает, как однажды переводчик-синхронист ООН «решился на отчаянный шаг. “Дамы и господа, — сказал он, — сейчас оратор рассказал совершенно непереводаемый анекдот, но я думаю, что ему будет приятно, если вы засмеетесь”. В зале раздался смех посочувствовавших бедному переводчику слушателей» [Чужакин, Палажченко 1999: 44]. В устном общении с известными российскими переводчиками автор этих строк слышал такие рекомендации: надо сказать «В этом месте у нас в России смеются». Сам А. Д. Швейцер пошел по другому пути: «Поскольку <...> анекдоты генерала были, по существу, непереводаемыми, я обзавелся американским сборником, содержащим шутки на все случаи жизни, и тщательно его проштудировал. Выслушав очередной образец генеральского юмора, я пересказывал вместо него один из подходящих по ситуации анекдотов из сборника, причем с неизменным успехом» [Чужакин, Палажченко 1999: 71].

В некоторых ситуациях переводчику приходится играть роль эксперта по межкультурным коммуникациям и объяснять инвариант восприятия национального ПФ. Поскольку набор «героев» и «злодеев» в лингвокультурных сообществах различается, наблюдаются случаи энантисемии ПФ [Гудков 2003: 161]. Так, когда студенты-монголы подарили своим преподавателям в знак благодарности статуэтку Чингисхана, последовала тяжелая пауза (пример Д. Б. Гудкова). Одно и то же прецедентное имя, ситуация и т. д. может восприниматься с точностью до наоборот. В этом случае во избежание коммуникативной неудачи переводчик должен проявить культурологическую компетенцию и помочь коммуникантам понять намерения друг друга.

Следующий вопрос: что делать в случаях *обновления ПФ*? Приведем примеры обновления ПФ из [Titelman 1997]:

– 1611 г.: *Misery makes strange bedfellows* (W. Shakespeare) → *С кем не поведешься в нужде*;

– 1870 г.: *Politics make strange bedfellows* (Ch. Warner) → *В политике с кем не поведешься или В политике создаются странные союзы/альянсы*;

– 1994 г.: *Bedfellows make strange politics* (Headline, New York Times Book Review) → *Союзники делают странную политику или Союзники в политике с кем не поведутся*.

Совершенно очевидно, что связь между прецедентной фразой и текстом в сознании русской языковой личности и так слаба. Обновление делает эту связь еще слабее или разрывает ее вовсе. Нам представляется, что ни за

одним из предложенных нами вариантов перевода фразы *Bedfellows make strange politics* тень Шекспира не видится.

Словари не всегда успевают фиксировать ПФ и афоризмы политиков. Афоризмы, используемые англоязычными политиками, проиллюстрируем знаменитым рейгановским *evil empire* → *империя зла* и трумэновским *The buck stops here* → *Доллар останаавливается здесь* (т. е. ‘все окончательные решения принимаются здесь, здесь последняя инстанция’). Такие афоризмы имеют шанс войти в группу прецедентных феноменов. Однако у прецедентных имен и высказываний, напомним, должна быть некая связь с текстом, в котором они впервые появились. Афоризмы отрываются от текстов-родителей и живут своей собственной жизнью. Одноязычная, и тем более двуязычная лексикография не успевает фиксировать крылатые высказывания политиков. Двуязычная политическая «крылатология» представляется нам перспективным направлением исследований (термины «крылатология» и «крылатика» используются авторами словаря [Клюкина, Клюкина-Витюк, Ланчиков 2004: 3]).

Еще одна черта современного политического дискурса — аллюзии на сакральные тексты. Политический и религиозный дискурсы могут «переплетаться». Религия в конце XX — начале XXI вв. влияет на политику все больше [Albright 2006]. Так, в дискурсе Б.Обамы значительное место занимают мессианские мотивы (сейчас в меньшей степени, чем до прихода к власти), аллюзии на библейские сюжеты и речи М. Л. Кингмла. [Шустрова 2010]. Весьма плодотворными в этой связи представляются исследования на пересечении дискурсов (интердискурсов).

4. Парадигма политкорректности. Постколониальное западное общество, движения за права женщин и сексуальных меньшинств привели за последние десятилетия к значительным изменениям в лексическом составе английского языка.

Колониализм, этот «первородный грех Европы и Америки», вызывает в постколониальном обществе чувство вины [Гачев 2003]. Постколониализм стал диктовать выбор литературы для перевода и выбор лексики. Политкорректная лексика появляется как желание вербально изгладить вину. В книгах Д. Карнеги еще встречается слово *negro*, которое невозможно сегодня на страницах печати. Хорошо известна история о том, как из соображений политической корректности А. Кристи переименовывала одну из своих лучших книг: *Ten Little Nigger boys* ‘Десять негрятя’ → *Ten Little Indian Boys* ‘Десять маленьких индейцев’ → *And then There Were None* ‘...И никого не стало’ [Кабакчи 2010]. В переводе, вторичном тексте, название «Десять негрятя» на русском языке не менялось, и еще больше закрепилось в сознании русской языковой личности благодаря другому вторичному тексту — фильму С. Говорухина.

Что касается «политически корректного» выбора самой литературы для перевода, то сегодня все больший удельный вес приходится на произведения афроамериканских, латиноамериканских, африканских и азиатских авторов. Все громче звучат требования к переводчикам сохранять национальный колорит, иначе в условиях глобализации и большого объема выпускаемой литературы появляются этакие «новопереводы» (*with-it translatese*), в которых «проза женщины из Палестины начинает напоминать прозу мужчины из Тайваня» [Spivak 2008: 372].

В гендерных политкорректных эвфемизмах наблюдается нейтрализация по признаку пола путем ухода от «сексистских» суффиксов *-man*, *-woman*, *-er* и *-ess*:

– *policeman, policewoman* → *police officer* ‘офицер полиции’;

– *chairman, chairwoman* → *a chairperson* или даже *chair* ‘председатель’ (обращение *Madam Chair* звучит пикантно);

– *air hostess* → *flight attendant* ‘бортпроводник’;

– *waiter, waitress* → *server*;

– *fireman* → *a firefighter* ‘огнеборец’, и т. д.

В последнем примере суффикс *-er* оказывается меньшим гендерным «злом», чем ненавистный дискриминирующий «мужской» суффикс. Само слово *women*, по наблюдениям некоторых исследователей, все чаще пишется как *womun* или даже *wimmin* во избежание ассоциации со словом *man* [Тер-Минасова 2000: 216].

Нужно ли отражать такие изменения в переводе? Отрицательный ответ, казалось бы, очевиден. Внутренняя форма слова вторична. Носители русского языка вряд ли обращают особое внимание на сочетания *диссертант Иванова* или замечают катахрезы вроде *рыжая белка, красное белье, фруктовый чай* (в советское время — *ячменный кофе*) и т. п.

Вместе с тем переводчицы-феминистки, например Сюзанн Лотбиньер-Харвуд (*Susanne Lotbinière-Harwood*), считают, что перевод — это своего рода политический манифест переводчицы: *My translation practice is a political activity aimed at making language speak for women* [Simon 1996: 15]. → *Моя переводческая работа является политической деятельностью, целью которой — заставить язык говорить от лица женщин* (перевод наш. — М. Б.). Переводчицы-феминистки пробуют вносить в английский язык не только лексические, но и орфографические изменения, например *auther* [Simon 1996: 21] вместо *author* ‘автор’ и др. Политически корректный перевод слов/фраз в гомосексуальном дискурсе представляет собой еще одно направление исследований [Munday 2008: 130—131].

Следующий вопрос: как передавать при переводе политкорректные эвфемизмы-словосочетания? В английском языке, особенно американском варианте, их десятки:

– *deaf* ‘глухой’ → *aurally inconvenienced*, что-то вроде «испытывающий слуховые неудобства»;

– *drunk* ‘пьяный’ → *person of different sobriety* — «человек альтернативной трезвости» или *tired and emotional* — «уставший и эмоциональный»;

– *old* ‘старый’ → *temporally challenged* — «преодолевающий временные трудности» или *experientially enhanced* — «обремененный опытом», или *senior citizen* — «старший гражданин».

Одним из наиболее продуктивных в образовании новых эвфемизмов является суффиксид *-challenged*:

– *an invalid* ‘инвалид’ → *a physically challenged person*, что можно попробовать перевести как «человек, преодолевающий физические трудности»;

– *fat* ‘толстый’ → *horizontally challenged* — «преодолевающий горизонтальные трудности»;

– *bald* ‘лысый’ → *follicularly challenged* — «преодолевающий фолликулярные трудности» или «фолликулярно отсталый»;

– *orphan* ‘сирота’ → *parentally challenged* — «преодолевающий трудности, связанные с родителями» (вообще-то — с их отсутствием!?!);

– *retarded* ‘умственно отсталый’ или *stupid* ‘тупой’ → *mentally challenged* или *cerebrally challenged* — «преодолевающий умственные трудности»;

– *bad cook* «плохой повар» → *culinarily challenged* — «преодолевающий кулинарные трудности» или «кулинарно дезориентированный».

В частных беседах с автором этих строк американские дипломаты неоднократно выражали пожелание видеть/слышать в ПТ эвфемизмы. Во-первых, пожелание патрона к переводчику и тексту перевода — закон. Во-вторых, хороший переводчик должен, по Н. В. Гоголю, стать «как стекло». Следовательно, политкорректные эвфемизмы следует передавать эвфемизмами, делая максимально близкую кальку. Вместе с тем мы переводим не только с языка на язык, но и с культуры на культуру, а в нашей, русскоязычной культуре эвфемизмы распространены отнюдь не так широко. Проблему усугубляет то обстоятельство, что до сих пор далеко не все эвфемизмы, порожденные толерантностью, зарегистрированы толковыми словарями, не говоря уже о словарях двуязычных. Проглашировать благое намерение всегда проще, чем претворить его в жизнь. Политически корректные эвфемизмы иногда столь замысловаты, что от переводчика требуется недюжинная фантазия, чтобы из контекста, если под рукой нет электронных ресурсов, угадать смысл сказанного и «за деревьями увидеть лес»:

– *domestic incarceration survivor* ‘выживший домашнее заключение’ → *housewife* ‘домохозяйка’;

– *canine American* ‘собачий американец’ (по-русски звучит грубо, нет аналогичного прилагательного);

тельного латинского происхождения) → *dog living in the US* 'собака, живущая в США'.

Поставленная проблема серьезна, и решение ее вряд ли может быть быстрым и однозначным. Толерантность нужно воспитывать еще со школьной скамьи, обогащая речь юной языковой личности словами, дотеле ей неизвестными. Необходимо расширять границы языка, ибо «границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн 1994: 56]. Пока же, в обозримом будущем, расширять границы нашего мира и нашего языка предстоит общими силами и писателям, и журналистам, и филологам, и переводчикам.

Необходимо сквозь смех и слезы создавать корпус политкорректных эвфемизмов, например:

- *худший* → *наименее удачный*;
- *двоечник* → *трудно успевающий*;
- *труп* → *с метаболическими отличиями или с недостаточной жизненной энергией*;
- *домохозяйка* → *художник по дому*;
- *обманщик* → *этически дезориентированный*;
- *ленивый* → *с мотивационной недостаточностью*;
- *зануда* → *не обремененный шармом*;
- *вор-домушник* → *нетрадиционный гость*.

Дискуссию о том, как передавать в переводе политкорректные эвфемизмы, необходимо продолжать.

5. Этикетные моменты в УП. Данный аспект в литературе называют также «деонтологическим» [Левитан 1999; Аликина 2010]. Если патрон допускает ошибку или грубость, имеет ли переводчик право «отредактировать» его в переводе, нейтрализовать грубость, чтобы не допустить скандал? По словам И. Кириловой, британской переводчицы королевской семьи, профессиональный переводчик не имеет права даже заговаривать с патроном в паузах [Петренко, Чужакин 1999: 10—11]. Как справедливо отмечает другой топ-переводчик, Б. Беглин, если одна сторона оскорбляет другую, переводчик обязан переводить [Петренко, Чужакин 1999: 35]. Править патрона переводчик может только если он наделен статусом дипломата или у него с патроном сложились доверительные отношения. «Высокопоставленные лица недаром предпочитают иметь своих переводчиков, они в этом случае менее напряжены и уверены, что переводчик их «подправит»» [Миньяр-Белоручев 1999: 24].

Переводчик может сделать корректировку на свой страх и риск, но последствия в этом случае непредсказуемы. Д. Штайн, герой книги Л. Улицкой [Улицкая 2006], прототипом которого послужил Освальд Руфайзен, работая переводчиком, спас — в том числе и намеренно неправильным переводом — многие жизни. Противоречивые истории из практики мы находим в воспоминаниях переводчиков самого высокого уровня. В профессиональной среде ходят мно-

го историй о том, как непросто приходилось переводчикам Хрущева: «...он буквально истязал [переводчиков] своими прибаутками. <...> Помимо хорошо известного выражения Хрущева “кузькина мать” мне приходилось переводить и такие его перлы, как “баба с возу — кобыле легче” и “со свиным рылом в калашный ряд”. Понятно, что Насеру так и не посчастливилось оценить по достоинству сочность и аромат этих выражений и пришлось довольствоваться приблизительными эквивалентами, тем более что упоминание свиньи оскорбляет ухо правоверного мусульманина» [Кирпиченко 1993: 63]. Поправлял Н. С. Хрущева и Р. К. Миньяр-Белоручев, когда лидер СССР стал гневно обвинять албанского лидера Э. Ходжу: «“И этот человек обос...л нас с ног до головы, туды его мать!” На последней фразе у меня, естественно, происходит запинка <...> [и перевод] звучит значительно мягче: “...покрыл нас грязью с ног до головы”. После речи Хрущева объявляется перерыв, и я выхожу из кабины. Меня ждет референт ЦК КПСС <...> Он холодно спрашивает: “Кто разрешил вам поправлять генерального секретаря нашей партии? <...> Вам придется за это отвечать”, уходит. Через десять минут он появляется, отводит меня в сторону и доверительно шепчет: “Никита Сергеевич просил поблагодарить вас. Он не хотел, чтобы его грубые выражения прозвучали на всех языках»» [Чужакин, Палажченко 1999: 71]. Во время визита в Камбоджу К. Е. Ворошилов увидел храмовый комплекс, золотые статуи богов и «забурчал: “Сами без порток ходят, а куда деньги вбухивают, азиаты!..” Руководители Камбоджи обратились к переводчику: мол, что сказал высокий гость?

И тот без запинки перевел:

— Товарищ Ворошилов восхищается великой историей Камбоджи и говорит, что вся провинциальная западная цивилизация не стоит и милинки этих великолепных статуй!» [Чужакин, Палажченко 1999: 22] Однако переводчики Сталина [Бережков 1993] и Гитлера [Шмидт 2001] править своих патронов не осмеливались.

Если переводчик становится доверенным лицом, специалистом по межкультурной коммуникации в широком смысле (К. Райс, Х. Фермеер), к нему могут обратиться с самыми разнообразными просьбами и поручениями: от обучения иностранному языку до чтения лекций и разбора иностранной корреспонденции [Верников 1967]. Военному переводчику могут даже поручить самостоятельно вести допрос военнопленного [Там же].

Затронутая в настоящей статье проблематика указывает на соприкосновение интересов политической лингвистики и переводоведения. Каждый из намеченных пунктиром аспектов заслуживает более глубокого исследования.

Когнитивистика — это «федерация наук» [Будаев, Чудинов 2008: 38], и в эту федерацию на правах полноправного члена стремится всту-

пить сегодня и переводоведение. Действительно, исследования на стыке (когнитивной) лингвистики и перевода имеют большой эвристический потенциал [Хайруллин 2010: 131]. Известный тезис Цицерона, что переводить нужно «не по счету, а по весу», привел на рубеже XX и XXI вв. к рождению когнитивного переводоведения, которое утверждает: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Когнитивное направление в переводоведении открывает новые горизонты во многих междисциплинарных областях.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. — М., 2008.
- Аликина Е. В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода. — М., 2010.
- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М., 2007.
- Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. — М., 1993.
- Бродский М. Ю. Прецедентные феномены в переводе и при обучении переводу: постановка проблемы // Проблемы обучения переводу в языковом вузе. — М., 2005. С. 6—7.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М., 2008.
- Верников С. М. Записки военного переводчика. — Пермь, 1967.
- Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы. — М., 2004.
- Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1.
- Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М., 1980.
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. — Л., 1976.
- Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. — М., 2003.
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М., 2003.
- Дейк, ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
- Кабакчи В. В. Англоязычное описание русской культуры. — М., 2009.
- Кабакчи В. В. Ошибка Агаты Кристи // Известия.ру. 2010. 28.11.
- Кирпиченко В. А. Из архива разведчика. — М., 1993.
- Клюкина Т. П., Клюкина-Витюк М. Ю., Ланчиков В. К. Политика и крылатика. — М., 2004.
- Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М., 2002.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. — М., 2003.
- Крупнов В. Н. Курс перевода. Английский язык: общественно-политическая лексика. — М., 1979.
- Крупнов В. Н. Пособие по общественно-политической и официально-деловой лексике. — М., 1984.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.
- Левитан К. М. Педагогическая деонтология. — Екатеринбург, 1999.
- Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. — М., 1996.
- Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? — М., 1999.
- Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика). — М., 2002.
- Палажченко П. Р. Несистематический словарь-2005. — М., 2005.
- Петренко К. В., Чужакин А. П. Мир перевода—4. Top Translators Talk on Tape. Transcript to Audio Course. — М., 1999.
- Спутник устного переводчика. Тематический словарь переводчика-практика [ред. М. Ю. Бродский]. — Екатеринбург, 2008.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000.
- Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик. — М., 1996.
- Хайруллин В. И. Перевод и фреймы. — М., 2010.
- Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках. — М., 2009.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М., 2007.
- Чужакин А. П. Основы последовательного перевода и переводческой скорописи. — М., 2010.
- Чужакин А. П., Палажченко П. Р. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. — М., 1999.
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. — М., 1973.
- Шустрова Е. В. Дискурс Б. Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2(32). С.77—91.
- Шмидт П. Переводчик Гитлера. — Смоленск, 2001.
- Albright M. The Mighty and the Almighty: Reflections on America, God, and World Affairs. — N. Y., 2006.
- Brodsky M. Learning Cultures in the Age of Globalization (precedent phenomena in intercultural communication and translation) // Russia and China in the Modern Global World. — Chanchun, 2007. P. 257—264.
- Buzadzhi S. Translating the News into English // Мосты. Журнал переводчиков. 2009. № 4 (24). С. 42-44.
- Lakoff G. Metaphor, Morality, and Politics, Or, Why Conservatives Have Left Liberals In the Dust. 1995. URL: <http://www.wvcd.org/issues/Lakoff.html>.
- Marret C. Idioms // Encyclopedia of Linguistics [ed. by Ph.Strazny]. N. Y., 2005. Vol. 1. P. 494—495.
- Munday J. Introducing Translation Studies. — L.; N. Y., 2008.
- Neubert A. Text and Translation. — Leipzig, 1985.
- Pratt M. L. Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. — L.; N. Y., 1992.

Раздел 2. Политическая коммуникация

Pym A. Epistemological Problems in Translation and Its Teaching: A Seminar for Thinking Students. — Caminade, 1993.

Robinson D. Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. — N. Y., 2002.

Simon S. Gender in Translation: Cultural Identity and the Politics of Transmission. — L.; N. Y., 1996.

Snell-Hornby M. The Turns of Translation Studies. — Amsterdam, 2006.

Spivak G. The Politics of Translation // The Translation Studies Reader [ed. By L. Venuti]. — N. Y., 2008. P. 369—388.

Titelman G. Y. Random House Dictionary of Popular Proverbs and Sayings. — N. Y., 1997.

Vermeer H. Skopos and Commission in Translation Action // The Translation Studies Reader [ed. By L. Venuti]. — N. Y., 2008 P. 227—238.

***Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев
и доцент М. Б. Ворошилова***